

**ВЕРМЮЛЕН (VERMEULEN)
против БЕЛЬГИИ**

Судебное решение от 20 февраля 1996 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

6 мая 1987 г. по требованию королевской прокуратуры Коммерческий суд Фурнеса, не прибегая к состязательной процедуре объявил г-на Вермюлена банкротом и его бюро деловых консультаций неплатежеспособным. Суд заслушал мнение заместителя королевского прокурора, но не выслушал самого заявителя, который находился под стражей по обвинению в подлоге, сбыте поддельных документов, мошенничестве и присвоении чужого имущества.

Апелляционный суд Гента оставил в силе судебное решение от 6 мая 1987 г.

Заявитель подал жалобу по вопросам права на решение Апелляционного суда, но Кассационный суд отклонил ее 10 мая 1991 г.; он заслушал в один и тот же день судью-докладчика, адвоката г-на Вермюлена и заместителя генерального прокурора при Кассационном суде; последний затем принял участие в совещании судей.

В марте 1995 г. Апелляционный суд Антверпена оправдал г-на Вермюлена по всем предъявленным ему уголовным обвинениям.

В. Разбирательство в Европейской Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной 6 ноября 1991 г., заявитель утверждал, что был лишен гарантии справедливого судебного разбирательства. Жалоба была объявлена Комиссией частично приемлемой 29 июня 1992 г. и 19 октября 1993 г. В своем докладе от 11 октября 1994 г. Комиссия установила факты и выразила мнение одиннадцатью голосами против пяти, что имело место нарушение статьи 6 п. 1.

Комиссия и правительство Бельгии передали дело в суд 8 декабря 1994 г. и 9 января 1995 г., соответственно.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи Конвенции

27. Г-н Вермюлен утверждал, что имело место нарушение статьи 6 п. 1, которая предусматривает:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей ... на справедливое ... разбирательство дела... беспристрастным судом...”

Он жаловался, прежде всего, на то, что не мог через посредство своего адвоката дать ответ на выступления заместителя генерального прокурора при Кассационном суде, а также сам обратиться к суду во время состоявшихся 10 мая 1991 г. слушаний в Кассационном суде (см. п. 13 выше); и, далее, на то что представитель генерального прокурора участвовал в совещании судей, последовавшем сразу после слушания дела. Хотя настоящее дело и носит гражданско-правовой характер, оно не может, по мнению заявителя, в такой уж степени отличаться от рассмотренного ранее Судом дела Борхерса, (см. п. 3 выше) чтобы по его поводу пришлось выносить иное решение.

Комиссия по существу приняла эти доводы.

28. Правительство утверждало, что основополагающее различие между уголовным и гражданским процессом в Кассационном суде, не дает оснований следовать, решению по делу Борхерса. В уголовном процессе неопытный обвиняемый может принять представителя прокуратуры за “союзника” или “объективного противника” (решение по делу Борхерса, с. 32, п. 26), подобное явно исключено в гражданском процессе, где действительная роль прокуратуры не оставляет места для сомнений. Здесь внешняя сторона соответствует реальности.

Прокуратура, осуществлявшая уголовное преследование в процессе в кассационной инстанции не участвует и лицо, подавшее кассационную жалобу встречается здесь с представителями прокуратуры при Кассационном суде.

Иная ситуация при слушании в Кассационном суде гражданского дела. Обе стороны — истец и ответчик — представлены одним адвокатом (так именуют прокурора) Кассационного суда и ни одна из них и если предположить, что стороны участвуют в слушании, что бывает весьма редко — не может принять прокуратуру за противостоящую сторону. Так было и в этом деле. Стороной, противостоящей заявителю, был управляющий конкурсной массой (см. п. 10 выше).

В уголовном, также как и гражданском процессе, служба генерального прокурора при Кассационном суде не имеет других функций, кроме как быть нейтральным и объективным консультантом суда: она может по разному отнестись к разным аргументам заявителем. Это доказывает, что на самом деле она не является ни “противником”, ни “союзником”.

Это тем более справедливо, для гражданского процесса, где рассмотрение жестко ограничено вопросами, поднятыми истцом, и генеральная прокуратура при Кассационном суде не может по своей инициативе ка-

саться других вопросов, даже тех, которые основаны на соображениях государственной политики. Тем самым роль прокурора еще более отличается от той, которую играют подлинные противники, каковыми являются стороны по делу.

Короче говоря, прокурор при Кассационном суде не является стороной в процессе, и по крайней мере, в гражданских делах. Он не участник состязательного процесса.

29. Суд отмечает, прежде всего, что природа прокуратуры при Кассационном суде — с чем правительство согласилось — не претерпевает изменений в зависимости от того, является ли дело гражданским или уголовным. В обоих случаях ее основной долг, как во время слушаний, так и в совещании судей, состоит в том, чтобы оказывать содействие Кассационному суду и помочь ему обеспечить согласованность создаваемой им судебной практики. То обстоятельство, что в гражданском процессе прокурор не может указывать на иные кассационные основания чем те, что указаны в кассационной жалобе говорит только об объеме его полномочия, но не об их природе.

30. Суд далее отмечает, что прокуратура при Кассационном суде действует строго объективно. Все, что установлено относительно ее независимости и беспристрастности, как и Кассационного суда в целом, в судебных решениях по делам Делькур и Борхерса (см. соответственно с. 17—19, п. 32—38 и с. 31 п. 24) сохраняет свое значение.

31. Также как в своем решении по делу Борхерса Суд считает весьма важной реальную роль, которую играют представители прокуратуры в ходе конкретного судебного разбирательства, и, в частности, содержание и выводы их заключений. Их авторитет — следствие статуса прокуратуры при Кассационном суде. Хотя заключение является объективным и основывается на законе, тем не менее оно предназначено для того, чтобы советовать Кассационному суду, а следовательно оказывать на него влияние. В этой связи правительство подчеркивало роль генеральной прокуратуры в обеспечении непротиворечивости судебной практики Кассационного суда.

32. В своем решении по делу Делкур Суд указал, что статья 6 п. 1 подлежит применению к “судебному решению Кассационного суда...которое может в различной степени отразиться на положении заинтересованных лиц” (с. 13—14, п. 25). Он неоднократно подчеркивал эту мысль (см., *mutatis mutandis*, решения по делам: *Пакелли против Федеральной Республики Германии* от 25 апреля 1983 г., Серия А, т. 64, с. 17 п. 36; *Фам Хоанг против Франции* от 25 сентября 1992 г., Серия А, т. 243, с.23 п. 40; и *Руис-Матеос против Испании* от 23 июня 1993 г., Серия А, т. 262, с. 25 п. 63). То же самое справедливо и применительно к настоящему случаю, так как жалоба по вопросам права затрагивала законность примененной к г-ну Вермюлену процедуры банкротства.

33. С учетом важности разбирательства в Кассационном суде для заявителя и характер заключения г-на дю Жардена, заместителя генерального прокурора, то обстоятельство, что г-н Вермюлен не имел возможности ответить ему до окончания слушания дела, явилось нарушением его права на состязательный процесс. Принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу комментировать их; это относится и к заключениям, сделанным независимым представите-

лем прокурорской службы, которые оказывают влияние на решение суда (см. среди других источников *mutatis mutandis* вышеупомянутое дело Руис-Матеос, с. 25, п. 63; решения по делу *МакМайкл против Соединенного Королевства* от 24 февраля 1995 г., Серия А, т. 307-В, с. с. 53-54, п. 80; по делу *Кероярви против Финляндии* от 19 июля 1995 г., Серия А, т. 326, с. 16 п.42).

Суд полагает, что это обстоятельство само по себе равносильно нарушению статьи 6 п. 1.

34. Нарушение, о котором идет речь, усугубляется тем обстоятельством, что заместитель генерального прокурора участвовал в судебном совещании, хотя только с правом совещательного голоса. Участие в совещании давало заместителю генерального прокурора дополнительную возможность, (во всяком случае так это выглядит) отстаивать ранее выдвинутое им мнение в закрытой обстановке, не опасаясь возражений (см. ранее упомянутое решение по делу Борхерс, с. 32, п. 28).

То обстоятельство, что его присутствие дает прокуратуре возможность способствовать непротиворечивости практики Кассационного суда, не меняет сути данного вывода, так как наличие своего представителя является не единственным способом достижения данной цели, как показывает практика большинства других государств — членов Совета Европы.

Таким образом имело место нарушение п. 1 статьи 6 также и в этом отношении.

II. применение статьи 50 Конвенции

35. Статья 50 Конвенции предусматривает:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

36. Г-н Вермюлен потребовал 93 957 922 бельгийских франка в компенсацию за материальный ущерб, проистекающий из того факта, что он оказался не в состоянии осуществлять свою профессиональную деятельность “достойным образом” после того как он был объявлен банкротом в судебном порядке.

Он также потребовал “значительную сумму” за моральный вред, вызванный профессиональными и семейными трудностями, которые последовали после отклонения его жалобы Кассационным судом.

37. Правительство и представитель Комиссии справедливо утверждали, что причинная связь между обжалуемым нарушением и предполагаемым материальным ущербом отсутствует; невозможно, говорили они, гипотетически рассуждать о том, каким был бы результат судебного разбирательства, если бы требования статьи 6 п. 1 были соблюдены.

В отношении морального вреда Суд считает, что он в значительной мере компенсирован признанием факта нарушения.

В. Издержки и расходы

38. Заявитель также потребовал 437 739 бельгийских франков в возмещение издержек и расходов, вызванных судебным разбирательством по вопросу о банкротстве и представлением его интересов перед учреждениями Конвенции.

39. Правительство не выразило какой-либо точки зрения по этому вопросу.

40. Как и представитель Комиссии, Суд полагает, что из расходов, понесенных в ходе судебного разбирательства в национальных судах, могут быть приняты во внимание только те, что относятся к судопроизводству в Кассационном суде, т. к. вынесенное в отношении заявителя решение о банкротстве не является предметом настоящего судебного решения.

На основе принципа справедливости Суд оценивает расходы, понесенные в связи с представительством г-на Вермюлена в Кассационном суде и в Страсбурге в 250 000 бельгийских франков.

С. Проценты за просрочку

41. Согласно имеющейся у Суда информации предусмотренные законом процентные ставки, действовавшие в Бельгии на дату принятия настоящего судебного решения составляют 8% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* пятнадцатью голосами против четырех, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что указанное судебное решение само по себе является достаточным справедливым возмещением предполагаемого морального ущерба;

3. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев 250 000 (двести пятьдесят тысяч) бельгийских франков за понесенные издержки и расходы, на указанную сумму начисляется простой процент в размере 8% годовых, который подлежит уплате по прошествии вышеупомянутого трехмесячного срока вплоть до погашения задолженности.

4. *Отклонил* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека, Страсбург, 20 февраля 1996 г.

Герберт ПЕТЦОЛЬД
Грефье

Рольф РИССДАЛ
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему судебному решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ГЁЛЬКЮКЛЮ, МАТСЕРА И ПЕТИТИ

В правовых системах стран Континентальной Европы действует старинная традиция представительства коронной или государственной юридической службы в высших судебных инстанциях (апелляционной или кассационной) при рассмотрении как уголовных, так и гражданских дел, причем эти представители могут облекать свои выступления как в устную, так и письменную форму; этот институт восходит к временам, кодификаций и тесно связан с лежащей в их основе идеей. Роль прокуратуры при осуществлении этой функции состоит в том, чтобы следить за правильностью толкования закона и обеспечивать единообразие и непротиворечивость судебной практики. Тогда как в правовых системах германского происхождения роль прокуратуры в гражданском процессе была постепенно ограничена определенными аспектами личных прав и семейного права (в этих странах прокуратура действует на практике только как орган поддержания обвинения по уголовным делам) в правовых системах романского происхождения эта служба сохранила свою первоначальную роль даже в гражданском производстве в кассационном суде и до некоторой степени в апелляционных судах. Институт генерального адвоката в Суде Европейских сообществ и представителя Комиссии в нашем Суде строится на схожей концептуальной основе.

Бельгийское право относится к романскому типу и предусматривает присутствие и возможность выступления генерального прокурора в Кассационном суде в указанных выше целях.

С нашей точки зрения, видеть в генеральном прокуроре, участвующем в гражданском процессе, противника одной из сторон по делу, значит неправильно понимать природу данного института, так как его роль состоит в том, чтобы быть тем, кого можно назвать *amicus curiae* — человеком, стоящим на страже нейтральности, объективности, законности судопроизводства, а также единообразия и непротиворечивости судебной практики. В этом отношении его участие в слушаниях и — в совещании судей ни в коей мере не противоречит принципу состязательности, так как он находится как бы над спором сторон по делу.

Мы считаем, что, рассматривая статью 6 применительно к таким вопросам, как роль генерального прокурора в Кассационном суде, Европейский суд должен убедиться в том, что эти традиции доказали свою состоятельность в национальном праве и не разрушать их по чисто формальным основаниям.

Тем не менее мы хотели бы указать на то, что, с нашей точки зрения, соответствующие правовые структуры в Бельгии и других странах, таких как Франция и Италия, могут показаться довольно странными, и правовая система могла бы легко без них обойтись. Свидетельством этому служит то обстоятельство, что от обычая, согласно которому представитель прокурорской службы присутствует и имеет возможность выступать на процессе по гражданским делам, почти полностью отказалось большое число Европейских стран без каких-либо опасных последствий для судебной практики.

Тем не менее, мы не видим оснований для критики правовых систем, которые пожелали сохранить данную практику в той мере в какой она ведет к лучшей защите интересов сторон, в особенности после того, как настоящий Суд указал в своем решении по делу *Домбо Бехеер Б. В. против*

Нидерландов (от 27 октября 1993 г., Серия А, т. 274, с. 19, п. 32), что национальные власти пользуются широкой сферой усмотрения в отношении применения статьи 6 в гражданском судопроизводстве.

Более того, в судебном решении по делу *Боржерс* (от 30 октября 1991 г., Серия А, т. 214 — Б) Суд основывал свой вывод о наличии нарушения статьи 6 п. 1 главным образом на сочетании двух фактов: обвиняемый не имел возможности ответить на заключение службы генерального прокурора до окончания слушания; присутствие представителя прокуратуры при обсуждении дела судьями Кассационного суда. В данном случае, носящем гражданско-правовой характер, следует подчеркнуть, что Суд усматривает нарушение в каждом из этих аспектов, даже взятых порознь, и тем самым идет еще дальше, чем в деле *Боржерс*, затрагивавшем вопросы уголовного права.

Конечно, в уголовном судопроизводстве ситуация отличается, и здесь мы полностью подписываемся под решением Суда в по делу *Боржерса*.

ОСОБОЕ МНЕНИЯ СУДЬИ ВАН КОМПЕРНОЛЛЯ

Сожалею, что не могу согласиться с настоящим судебным решением.

Для того, чтобы оценить его значение, необходимо помнить, что решение Суда по статье 6 п. 1 Конвенции было вынесено по уголовному делу — делу *Боржерс* — в связи с нарушением принципа состязательности. Центральным аргументом, вокруг которого строилось судебное решение, было представление о том, что “давая рекомендацию принять или отклонить жалобу обвиняемого, представитель генерального прокурора становится, объективно говоря, его союзником или противником” (судебное решение по делу *Боржерс* от 30 октября 1991 г. Серия А, т. 214-Б, с. 31—32, п. 26).

В нынешнем судебном решении — которое, и это следует подчеркнуть, относится к гражданскому судопроизводству — данная аргументация не повторяется. Прокуратура при Кассационном суде не рассматривается как “соперник” в объективном смысле, применительно к которому принцип равенства сторон и состязательности требует, чтобы у сторон было право дать ответ на его заключение, а участие прокурора в обсуждении было исключено. При изложении принципиального подхода, именно право на состязательность судебного разбирательства становится краеугольным камнем судебного решения, где сделан вывод о двойном нарушении статьи 6.

Лично я не могу согласиться с этим анализом.

1. Мне кажется неправильным применять принцип состязательности к выступлению в суде независимого представителя государственной службы, который после того как стороны изложили свою позицию в суде, высказывает свое мнение в качестве *amicus curiae* — юридического консультанта суда, в чьей объективности и беспристрастности никто не сомневается. То обстоятельство, что стороны не могут дать на него ответ, ни в коей мере не ставит под сомнение их право на справедливое судебное разбирательство, которым они воспользовались в полном объеме в состязательном процессе, где участвовали в качестве соперников.

Следует также указать, что в данном вопросе кассационное судопроизводство, в Бельгии в своих общих аспектах соответствует той процедуре,

что применяется в ряде международных судов, в процессуальных правилах которых также предусматривается возможность заключения независимого юридического консультанта, не являющегося членом суда, после того как стороны изложили свою позицию в суде (см. например, правило 44 Регламента суда Бенилюкса и статью 59 Регламента Суда Европейских Сообществ).

2. Мне представляется в равной мере неправильным увязывать с принципом состязательности вывод о нарушении статьи 6 Конвенции на том основании, что прокурор участвовал в обсуждении дела, вместе с судьями Кассационного суда.

Ввиду того, что службу генерального прокурора в Кассационном суде нельзя представлять как сторону в споре, так как она, объективно, не является ни союзником, ни противником не одной из сторон, выступление — чисто консультативное — независимого и беспристрастного представителя национальной юридической службы, единственно в интересах оказания содействия единообразию и непротиворечивости судебной практики, ни в коей мере не посягает на право на защиту.

3. Как справедливо отметили в своем особом мнении судьи Гелькюкю, Матсер и Петити, следует также указать — но с моей точки зрения это носит характер вспомогательного замечания — что в упомянутом выше решении по делу Борхерса Суд основывал свое постановление о нарушении статьи 6 на сочетании двух фактов: обвиняемый не имел возможности дать ответ прокурору до окончания слушаний, присутствия последнего на совещании судей Кассационного суда. В нынешнем судебном решении, которое относится гражданскому делу — Суд усмотрел нарушение в каждом из этих аспектов в отдельности. По моему мнению нет ничего, чтобы оправдывало здесь большую строгость, чем тогда, когда Суд выносил свое решение по делу Домбо Бехеера Б. В. против Нидерландов (от 27 октября 1993 г., Серия А, т. 274, с. 19, п. 32), т. к. национальные власти пользуются более широкой степенью усмотрения при применении статьи 6 в гражданском судопроизводстве.